Взгляд мимолетно скользнул мимо вяло копошащегося комочка, который хорошо виден сквозь стекло, и последовал дальше. К еще недавно спящей девушке, которая чутко среагировала на движение дочери. Сумико выглядит хрупкой, очень юной и бесконечно уютной. Крепнущий день ото дня теплый огонек делает это ощущение только сильнее. Слишком беззащитна, обманчиво невинна. Себе-то можно признать, что ее сила неоспорима, он ведь слышал рассказ брата, смог создать в голове картинку боя. Шансов уйти от ударов, продержаться до прихода подкрепления, у нее не было, она сделала невозможное в ее-то состоянии. Еще больше удивляет воля к жизни и общее жизнелюбие. Он такого даже у брата не часто видел. Сумико не сломила потеря зрения, она стала сильнее, отвечая на вопросы достаточно оптимистично. Будто бы ничего страшного не произошло. Все идет так, как она и рассчитывала. Только вот он видел, что происходило с ослепленными Учиха, но на них плевать, а тут…

Биджева Учиха! Не смей угасать!

Девушка осторожно начинает движение. Плавные, грациозные, будто не ощупывает пространство вокруг, а ласкает ткань, танцует с ветром. Он заворожено смотрит, как она опускает маленькие ножки с кровати, как прячутся округлые пальчики в смешных пушистых тапочках, как шагает вперед, почти не отрывая ног от земли. Ласково оглаживает бока кроватки, осторожно продвигаясь к своей дочери. Тонкие пальчики нежно перебирают складки ткани, заставляя сбиться дыхание. Розовые ноготочки привлекают взгляд, но тут же теряются, когда девушка подхватывает ребенка на руки, мастерски избегая стеклянных фигурок над кроваткой, и нежно улыбается, начиная что-то тихо шептать малышу. Сколько раз он уже наблюдал эту картину? Не счесть. Только вот зайти осмелился лишь раз, ощущая внимательный взгляд Мадары в спину. Он не хотел оставлять их наедине. Да он и не спорил, ощущая сухость во рту.

Он бы посмеялся над неудачником, если бы не был им сам. Набрался смелости сделать шаг, но так и не довел дело до конца. Рот отказывался говорить хоть что-то стоящее. Он даже не смог осуществить свое желание и поздравить с рождением малышки. Ну, это даже хорошо. Вряд ли бы кто оценил пожелание быть похожей на мать и не взять ничего от отца. Видеть второго Изуну… радость была бы только у Мадары.

Тобирама поджимает губы, ощущая невольное разочарование, когда вместо того, чтобы начать кормить ребенка, Сумико отходит к кровати. Впрочем, уже через секунду он гулко сглатывает, ненавидя себя, но не в силах отвести взгляд, когда девушка оголяет грудь, позволяя ребенку поймать налитый молоком сосок. Дышать становится тяжело, невольно

появляется мысль о том, что свободные одежды лучшее, что он мог надеть. Ногти впиваются в кожу рук, лишь чудом не оставляя кровавых следов.

Биджева Учиха! Взгляд не оторвать.

Время утекает сквозь пальцы. Он знает, что Мадара скоро поймет где он и это все усложнит. Брат и без того косится непонимающе, когда замечает, что он делает бумажную работу даже хуже его.

Хотя нет. Брат все понимает. Следит. Не дает сделать глупость. Только этого мало. Тобирама отчаянно понимает, что не может забыть, отказаться, но и сделать шаг вперед он не в силах. Внутри зреет уверенность, она не оценит, не позволит, уйдет, спрячется за Мадару, а тот будет рад. Красноглазый ублюдок выстроит стену, обрежет малейшую возможность увидеть, не то, чтобы поговорить. Убить не убьет, но это будет хуже, чем смерть. Он вычеркнет ее из его жизни, больше не будет теплого огонька на периферии сознания.

Тяжело признавать, но он завидует даже ублюдочному Изуне. Тот хотя бы сдох быстро!

Биджев Учиха! Красноглазая тварь! Чтобы тебя осудил Яма*!

Язык скользит по пересохшим губам. Он жадно следит за тем, как уже сытого ребенка убирают от груди и, не торопясь поправлять одежду, аккуратно заставляют отрыгнуть. Взгляд намертво прикован к крупной горошине соска, которой блестит от капелек молока и слюны ребенка. Он будто просит внимания, взять его в рот, почувствовать вкус…

Чертова Учиха! Что ты творишь?!

Тобирама судорожно сглатывает. Внутри вспыхивает сверхновая. Поднимается желание. Бороться с собой тяжело. Он с трудом разжимает ладони, но только тогда, когда девушка приводит одежду в порядок. В горле сухость, ниже — пожар. Будто подросток, впервые увидевший медовую куноичи… нет, это сравнение оскорбительно. Он даже в юности, когда отец специально устроил наследникам «посвящение», такого не ощущал, несмотря на все старания девушек. Отец им тогда так гордился… глянул бы на него сейчас!

Вошедший в барьер Хаширама ощущается будто горящий лес. Это возвращает к реальности. Сумико мирно перепеленывает ребенка. Смеется и напевает какой-то мотивчик под нос. Вид настолько счастливый, что он ощущает что-то отдаленно похожее на стыд. Будто ледяной водой окатило, подавляя инстинкты. Ему еще неудобно двигаться, но он уже взял себя в руки. Заставил успокоить чакру и дыхание. Ему следует поспешить, ведь брат не прибежал бы так быстро просто так. Похоже, красноглазый ублюдок уже знает, где он находится и не успокоится пока не убедится, что все идет по его.

Первый шаг все еще неуклюж, но бесшумен. Его все еще тянет к Сумико, но Сенджу понимает — нельзя. Есть вещи, которые не стоит совершать даже в мыслях.

Щеки опаляет жар. Он с трудом сохраняет невозмутимость, заставляет себя собраться. Он не планировал наблюдать за… таким, но это не отменяет его вины. Ему хочется извиниться, но он знает, что сделает только хуже. Напряженный взгляд не может оторваться от чужого лица, натыкаясь на повязку там, где раньше сверкали теплого черного оттенка глаза.

Девушка замечает его в тот же момент, как он открыл двери. Нет, она не дернулась, не отвлеклась от ребенка, просто слегка повела носом и уголки губ дрогнули в намеке на приветливую улыбку. Искреннюю.

Биджу! Да его так даже брат не встречал!

Взгляд жадно скользит по чужому лицу, впитывая чужой образ, отголоски эмоций. Он почти забывает зачем пришел, но нельзя игнорировать впившийся в затылок взгляд. Ему даже оборачиваться не надо, и так понятно, что Хаширама. Предупреждает, он не даст сделать глупость, успеет остановить. Брат слишком быстрый, но он этому даже рад.

Хрупкая, ослабленная, такая уютная. Хватит протянуть руку и она уже рядом. Витающий в комнате запах детской присыпки и молока — туманит сознание. И ребенок совсем не мешает. Слишком мал, чакра еще не накопила достаточно индивидуальности, почти полностью совпадая с материнской, а когда они рядом и вовсе сливается для восприятия. И не скажешь, что не один огонек, а два.

Так красиво…

Уютно…

Тепло…

Не его.

— Зачем вы пришли, Тобирама-сан? — мягкий, почти позабытый голос. Такой теплый, нежный, ласковый. Так хочется поверить, что интонации обращены к нему, но… чужое лицо по прежнему обращено к ребенку. Не ему. — И как вас только одного пустили.

— Поняла все-таки, — слова застревают в груди. Последняя фраза правдива. Он сам не посмел зайти в одиночестве, специально дождался брата. Тот благоразумней его. Ха! Слышал бы его мысли отец! Да он сам бы себе не поверил. Не мог же он так измениться из-за… Учиха.

— Не тратьте свое время, Тобирама-сан, — чужие слова звучат так отстраненно…

— Здесь прекрасные барьеры, я пришел за ответами, — он сам признает, что его голос слишком сух, лишен эмоций, его могли выдать только глаза.

Биджева Учиха! Хорошо, что не видит! Не знает насколько сухо во рту, как впиваются ногти в кожу!

— Узумаки поселились в Конохе давно, почему только сейчас? — ему самому интересен данный вопрос, но он знает ответ. Язык с трудом проходит по губам. И как ей ответить? Она не может узнать!

— Я проверял твои слова, — почти правда. Он многое успел проверить, узнать и предположить. Только не приходил не из-за этого, просто боялся оказаться с ней наедине в помещении, за барьерами, которые никого не пропустят. Да ему даже сейчас неуютно, а спину прожигает взгляд брата! Только это позволяет держать себя в руках.

— И? — заинтересовавшись, девушка оторвалась от игры с уже запеленатым ребенком. Не трудно было представить по-детски любопытный взгляд. Внезапно становится легче. Она ничего не знает из последних новостей. Иначе бы не была такой спокойной. Удивительная тактичность для красноглазого ублюдка. Еще большая неожиданность, учитывая болтливость Хаширамы и то, что он абсолютно не может заставить себя опасаться Сумико. Как и он.

— Как я и думал, Мадара тебе ничего не говорит. Его право, главное, что поделился информацией… — слова звучат самодовольно. Самую малость. Невольно возникает досада. В основном на себя.

— Все так серьезно? — он готов сам себя избить, стоит услышать легкую тревогу в чужом голосе, заметить растерянность на лице, явное желание броситься… непонятно куда.

— Он расскажет тебе сам, я хочу услышать обещанное, — голос звучит ровно, хотя бы так он старается передать спокойствие, убедить, что ничего важного не произошло. Заставить ее открыться, но…ее информация.

Тобирама с трудом остается на месте, слушая тихий рассказ. Слишком он невероятен, но… она приводит много примеров, которые касаются не только Клана Учиха. Доказательств нет, но ему они не нужны. О каждом случае он знает не понаслышке, во многих участвовал сам, видел странности и отмахивался. Тогда это казалось простым совпадением, но собранное вместе… происходящее не настолько невинно. Как жаль, что Сумико так и не сказала всего…

Он понимает. Все понимает! Внутреннее дело Клана, но…!

Тобирама проходит мимо брата не задумываясь. Мадара уже на подходе. Удивительно, как быстро все понял. Он надеялся, что его задержат подольше… плевать. Перед глазами бледное, будто высеченное изо льда лицо, острые зубки терзающие губу, когда неко вмешивается в беседу. Ученый внутри лишь на мгновение подымает голову, сознание мимоходом фиксирует причину, откуда мангеке. И только потом он понимает. Видит дрожь чужих рук и обманчиво спокойный голос, который ровно и четко обрисовывает произошедшее. Слишком подробно, слишком холодно, слишком отстраненно и просто слишком-слишком-слишком!

Бесит! Биджевы Учиха! Проклятые тенгу! Ее с самого начала принимал лишь Мадара!

Жить столько времени, каждую секунду ожидая удара! Как она не сорвалась?

Он останавливается. Впереди — Мадара. Взгляд холодный, горит алым огнем шаринган.

Тобирама не отступает, впервые смело встречая взгляд додзюцу.

— Тобирама, — ярость звучит в каждой букве.

— Мадара, — Сенджу просто кивает, идя дальше, видя, как бугрятся мышцы, вздуваются вены. Красноглазый ублюдок почти на пределе. Тобирама останавливается дойдя до него, смотрит вперед, не поворачиваясь. — Я готов объединить усилия, чтобы поймать эту гадость.

— Зачем тебе это? — чужой голос не потеплел ни на грамм.

— Причина в палате за моей спиной, — впервые он говорит настолько откровенно. — Я не могу позволить непонятно чему навредить… — он не может заставить себя продолжить, да и не надо. Они оба понимают то, что было сокрыто за чужими словами.

— Ты…

— У меня впереди долгая жизнь, — Тобирама презрительно кривит губы. Он сам в это не особо верит. У шиноби мало когда бывает долгая жизнь. — Я не хочу сожалеть.

Он уходит, а Мадара даже не пытается его остановить. Между ними безмолвно повисли слова, что так и не были сказаны. Каждый понял причины другого. Враги в одном, союзники в общем деле. Им есть что делить, но Тобирама осознает. Он проиграл, когда смертельно ранил Изуну. Нет, еще раньше, когда родился Сенджу.

От подобных мыслей тошнит. Он всегда гордился своей принадлежностью к Клану! И все равно…

Биджева Учиха. Тебя не убьют. Я не позволю…

Шаги становятся легче. Сделанный выбор что-то неуловимо меняет внутри. В алых глазах решимость, ему будто становится проще дышать. В голове проясняется, в мозгу стремительно меняются картинки, множатся планы. Он должен понять, как действовать дальше, и будто ответ — перед глазами всплывает перепаханное техниками поле, напряженный взгляд смертельно раненого Изуны в тень Хаширамы. Слишком густую, темную, в которой будто мигнули желтым глаза…

Биджев Учиха. Красноглазый екай будто знал, поэтому отказался от мира, а мог ведь спастись! Или погибнуть уже на руках Хаширамы, уничтожая любую надежду на мир.

Поэтому он кинул такой взгляд на него?!

Тобирама зло выдыхает сквозь зубы.

Биджев Учиха. Даже после смерти столько проблем! И тем страшнее понять, что благодарен. Чертов екай решил умереть сам, а не забрать с собой и его брата. Уж себе-то можно признать, что сделай Изуна иначе… не было бы мира. Не было бы Конохи. Дома Сенджу

покрыл бы огонь.

Красноглазая тварь! Как же знакомо! Так и виден ехидный оскал.

Сенджу останавливается, взгляд упирается в небо. Ему бесполезно ругаться, стоит признать, его обыграли, загнав в угол. Нет, он сам радостно прыгнул в раскрытый зев ловушки, даже видя ее.

«Жизнь за жизнь, Учиха. Ты спас брата, я не дам умереть твоему.»

Небо безмолвно, никто не спешит отвечать. Только лучики солнца ехидно слепят глаза, будто всерьез намекая о лжи. Он и сам понимает. Плевать ему на Мадару, чертову красноглазую тварь. Он с радостью спляшет у него на могилке. Его ответ — теплый огонек, что спрятан сейчас в недрах больницы, сокрыт сильнейшим барьером.

Биджев Учиха, как же он понимает…

Он на мгновение оборачивается, взгляд легко вычисляет нужное окно, вглядываясь, будто надеясь… на что? Он знает, видит ответ, он идет изнутри, струится по венам.

Третью ошибку ему не простят.

Глубокий вздох, тихая тоска в глубине сердца. Он больше не смотрит, уходит, спрятав за холодной маской реальные чувства. Есть вещи, в которых нельзя проиграть. Только не тогда,

когда за спиной все так же теплом делится крошечный огонек.

Биджева Учиха. Ты не умрешь, только не раньше его.

Примечания:

* - Яма (Ямараджа, Чойджал, Номун-хан,) — в буддизме бог смерти, властелин ада и верховный судья загробного царства.

В китайской мифологии Бог Смерти называется Яньло-ван , он является правителем ада со столицей в подземном городе Юду. Яньло-ван не только правитель, но и судья, который определяет судьбу всех умерших. В руках у него щётка и книга с деяниями всех душ и датой смерти. У него голова быка и лицо лошади. Стражники ада приводят к нему умерших одного за другим, чтобы Яньло-ван свершил суд. Люди с добродетелями получают хорошие перерождения, а иногда снова возвращаются к предыдущей жизни. Совершавшие дурные поступки приговариваются к пребыванию в аду с разнообразными мучениями, или получают трудные перерождения в других мирах.

http://tl.rulate.ru/book/54040/1912259